

Марат Валеев

На крючке

Из новой книги

Озеро Долгое

В Пятерыжске (есть такое сельцо на севере Павлодарской области в Казахстане) раздолье для ку-пальщиков и рыбаков. Плескаться и удить можно как на Иртыше, так и в пойменных озёрах. Среди последних наиболее популярным слыло Долгое. Это красивое уютное озеро, с берегами, поросшими рогозом и тростником, с покачивающимися на лаковых зелёных листьях желтоглазыми кувшинками, в ширину имеет всего пару десятков метров, а протянулось параллельно с Иртышом примерно на километр.

Выглядит Долгое (то есть — длинное) как речка, но таковой, конечно, не является, так как и начало его, и конец находятся в пределах видимости, особенно если смотреть с высокого правого берега, под которым и располагается иртышская пойма. Своенравный Иртыш, спрямляя себе путь, за тысячелетия течения отошёл на сотни метров от старого русла и проложил новое, оставив после себя намытый им вот этот вот высокий песчаный берег, склоны которого с годами стали покатыми и покрылись зарослями боярышника, осинника, черёмухи, ирги (которую мы называли просто «красная ягода»), ежевики и хмеля. Под берегом зеленеют обширные луга с кудрявыми ивовыми рощицами, с множеством пойменных озёр, среди которых не последнее — наше Долгое.

Озеро это неглубокое — всего метра два-три. И в причудливых переплетениях водорослей Долгого водятся горбатые темноспинные окуни, краснопёрая сорога и серебристая плотва, золотистые караси, тускло-бронзовые лини и, конечно же, щуки — отдельные экземпляры этих озёрных хищниц могут весить и два, и три килограмма, а однажды отец приволок целого «крокодила», который потянул на одиннадцать килограммов, но есть эту древнюю щуку было невозможно, мясо у неё было безвкусное и жёсткое, и родители скормили её уткам и курицам.

В Иртыше рыбный «ассортимент» побогаче: добавьте ко всему, что водится в озёрах (кроме линей), осетров, стерлядей, нельм, язей, налимов, пескарей, лещей, ельцов, сазанов, вьюнов, ну и ершей, — и получите довольно богатую ихтиофауну. Правда, в Иртыше рыба посветлей, с размытой

окраской, как и вода, а в зеленоватом из-за обилия водорослей озере те же окуни, сорога, щуки раскрашены как-то более отчётливо и выглядят темнее своих иртышских собратьев. И там, и тут водились и раки — важные свидетели экологического благополучия водоёма. Они также отличались расцветкой: озёрные раки были потемнее речных.

Иногда Иртыш по весне разливается настолько широко, что захватывает многие пойменные озёра, в том числе и наиболее отстоящее от реки Долгое, как вот нынче. И это благо: вымываются лишние водоросли, особенно противный «резун», стебли которого покрыты мелкими зубцами и оставляют на теле неглубокие, но очень болезненные порезы. В половодье происходит и обмен ихтиофауной, при этом в озёрах никогда не остаётся рыба, которая может жить только в проточной воде. Даже ерши и пескари. А вот чебаки, щуки, окуни, караси могут спокойно меняться местами. И очень быстро затем приобретают окраску, свойственную для стоячей или проточной воды.

На озере рыбачить нужно поплавочной удочкой, на Иртыше желательнее донной, так как сильное течение постоянно сносит поплавок и приходится идти за ним по берегу, пока не клюнет, а потом возвращаться на исходное место и перезакидывать снасть. Но и там, и тут свои преимущества. На Иртыше при хорошем клёве (а он там редко бывает плохим) запросто можно было натаскать за несколько часов полный трёхлитровый бидончик, а то и больше, всякой мелочи, когда счёт чебакам, пескарям, окушкам ведётся уже не на десятки, а на сотни.

На озере же уловы бывают обычно скромнее, зато здесь на живца можно выворотить не одну щуку (однажды я принёс их домой не то семь, не то восемь штук). И хотя на Иртыше, если у тебя есть перетяг или ты попал в компанию к кому-нибудь, промышленному наплавной сетью (впрочем, в обоих случаях это чистой воды браконьерство), можно было наловить также стерлядей, язей, громадных лещей, иногда и нельму, мне больше нравилась озёрная рыбалка. Здесь она выглядела настоящей охотой: сидеть на берегу или в лодке надо без излишнего шума и резких движений, так

как рыба в прозрачной и весьма ограниченной акватории озера прекрасно всё слышит и видит и очень пуглива. Поэтому я уходил на озеро ранним-ранним утром, когда солнце только-только ещё начинало просыпаться.

С утра на Долгом почти безветренно, и уютное, лежащее меж камышовых зарослей озеро ещё дремлет, укрывшись лоскутным одеялом тумана. Но уже то там, то тут слышались громкие всплески и по воде разбегались круги. Это у окуней и щук начинался утренний жор, и они гонялись за чебачками, да и порой за своими сродственниками поменьше, по всему озеру, иногда даже вылетая из воды и обрушиваясь на свои жертвы сверху. Вот для чего я и спешил на рыбалку пораньше: надо было успеть наловить сорожек, у которых в это время тоже был неплохой аппетит и которых ещё не распугали радостным визгом и громким бултыханием в не остывшей даже за ночь тёплой воде набежавшие ближе часам к десяти-одиннадцати утра в купальные места озера—Две лесинки и Красненький песочек—пятерыжские ребятишки.

Снарядив изловленными живцами жерлицы (обычно пару штук), я аккуратно, по возможности бесшумно закидывал их в укромные и свободные от кувшинок уголки, под широкими листьями и между длинными стеблями которых могли стоять в засаде зубастые хищники. Ну а главным надводным хищником в это время на озере, получалось, был я. Хотя, такова уж диалектика жизни: сорожки охотились в воде на всяких безобидных букашек; сорожек преследовали окуни да щуки; а уж им укорот наводил я—человек, повелитель природы, «язви его-то» (так обычно мило и беззлобно поругиваются коренные пятерыжцы, потомки прииртышских казаков)!

Если щука хватает живца, надо усмирить свой азарт и не вытаскивать жерлицу сразу, а терпеливо дожидаться определённого момента, когда вдруг притопленный поплавок (у меня он обычно был вырезан из приличного куска белого пенопласта, и когда щука хватала наживку, проваливался под воду с негромким, но отчётливым звуком «буп-п-п!») начинает быстро уходить вглубь и вбок, обычно куда-нибудь в гущу водорослей. И лишь когда леска натягивается струной, а удилице начинает рваться из рук, вот тогда и приступаешь к борьбе с очень сильной хищницей, не желающей расставаться ни со своим завтраком, ни с уютным домом-озером. И не всегда этот поединок заканчивается в пользу рыбака—щука может или порвать леску, или перекусить её острейшими зубами, а то и переломить конец ивового удилица.

Человеку с непрочной сердечно-сосудистой системой от такой рыбалки лучше отказаться: всепоглощающий азарт, острые переживания запросто могут завершиться «кондратием». Однажды в такой момент в лодке со мной оказался наприсившийся

на рыбалку мой хороший городской знакомый. Так «кондрашка» чуть не хватила не меня, а его, когда после нескольких минут моей отчаянной борьбы со здоровенной щукой натянутая струной леска жерлицы лопнула с дребезжащим звоном, а я, потеряв равновесие, сначала упал на напарника, и уже вместе мы чуть не свалились за борт.

А потом я, вскочив на ноги, ещё и остервенело начал хлестать удилицем с болтающимся обрывком лески по воде и во всю ивановскую орать всякие непотребные ругательства, а утреннее гулкое ухо далеко окрест разносило мой рёв. Но если бы я не дал выход скопившимся за эти несколько минут переживаниям, моё переполненное возбужденной кровью и с тяжёлым грохотом колотящееся о рёбра сердце просто бы лопнуло с тем же звоном, что и толстенная леска!

Вот за такие переполненные адреналиновыми всплесками минуты я и любил рыбалку на озере Долгом и потому хаживал сюда куда чаще, чем на Иртыш...

На крючке

Как-то на рыбалку со мной увязался мой младший братишка. Тогда мне самому-то было лет восемь, а брательнику и вовсе пять. И я его категорически не хотел брать—рыбалка, сами понимаете, дело важное, почти интимное, многолюдия не терпит. А малолетний балбес запросто может помешать этому важному делу: начнёт там камушки в воду кидать или, того хуже, сам в неё шлёпнется. И всю рыбу распугает к чёртовой матери. Нет, мне он там на фиг не нужен!

Но Ринат, когда узнал, что я собираюсь на рыбалку, как начал монотонно ныть с вечера: «Хочу на рыбалку!.. Хочу на рыбалку!.. Хочу на рыбалку!..»—так остановился только на следующее утро. Когда вышедший из себя отец сказал мне: «Возьми его тоже! Только смотрите там у меня!»

Ну что, пришлось взять. Нас с утра пораньше разбудил отец—он собирался на работу. Мама приготовила нам бутерброды: намазала маслом два куска хлеба, присыпала их сахаром и завернула в газетку. Черви у меня были нарыты ещё с вечера. И часам к девяти утра, с благословения мамки, мы с брательником, шаркая сандалиями, ушли на озеро Долгое. Я тащил удочку, Ринат—бидончик, в котором покоились баночка с червяками и свёрток с бутербродами.

Минут через двадцать пути—идти надо было с километр—мы были уже у цели. С утра в продоловатом озере, обрамлённом зелёными камышами, ещё никто не купался, хотя день обещал быть жарким. Детвора обычно набегаёт часам к одиннадцати-двенадцати. Так что эти пару часов нам никто мешать не будет. И брательник тоже! — Ты садись сзади меня!—велел я ему.—Будешь снимать рыбу с крючка и бросать в битончик

(именно «битончик» — так мы всегда называли эти трёхлитровые алюминиевые ёмкости, предназначенные для молока дома и для рыбы на рыбалке). Понял?

— Ага! — согласился Ринат.

Я вынул из бидончика бутерброды и червей, положил их на земле рядом с усевшимся на корточка братом, а сам зачерпнул воды из озера — она была уже (или ещё) тёплая, и мне сразу захотелось искупаться. Но я пересилил себя — искупаться можно будет потом, со всеми. А сейчас надо заниматься важным мужским делом — ловить рыбу.

Я размотал удочку, с трудом наживил на крючок извивающегося червя и забросил леску подальше от берега. Пробковый поплавок шлёпнулся на неподвижную и слегка курящуюся паром зелёную воду озера метрах в полтора от меня. По воде разбежались круги, и, немного покачавшись, поплавок замер.

Я застыл на берегу в классической рыболовно-пацанской позе, выставив для упора одну ногу вперёд и сжимая удилище обеими руками.

Но долго стоять, впившись глазами в слегка покачивающийся поплавок, мне не пришлось: он притонул раз, другой, третий и поехал в сторону. Ага, взяла! Я резко выдернул удочку, и через голову на берег полетел первый улов — трепещущая серебристая сорога с оранжевыми плавниками.

Рыбка сама соскочила с крючка и шлёпнулась за спиной брата, запрыгала на берегу, наклепывая на свою серебристую чешую песок.

— Рыба!!! — заорал во всё горло мой брат, подбежал к ней и упал на неё животом. — Поймалась! — Раздавишь! — по-хозяйски прикрикнул я на Рината. — Неси его в битончик давай!

Ринат, сжимая сорожку обеими руками, вприпрыжку побежал к бидончику. А я в это время поправлял сбитого на крючке червя. Он был цел, только сполз немного вниз.

— А можно я его помою, а то он грязный? — услышал я вдруг просьбу брата.

И не успел даже в ответ открыть рот, как увидел, что первая моя сегодняшняя рыба плюхнулась в воду, вырвавшись из рук этого растяпы.

— А она уплыла, — убитым голосом сказал Ринат и скривил лицо, собираясь заплакать.

Улов мне, конечно, было очень жаль. Но не лупить же из-за одной рыбки родного брата? Тем более, судя по первой поклёвке, рыбы здесь с утра собралась тьма. И все голодные.

— Ладно, — великодушно сказал я Ринату. — Ещё поймаем. Ты только больше не купай их в воде, ладно?

— Ладно, — шмыгнув носом брата, снова устраиваясь на корточках на отведённом ему месте. И, покосившись на бумажный свёрток, добавил: — А когда исть будем?

— Когда поймаем пять... нет, десять чебаков, — поставил я перед нами жёсткую задачу.

И, оставив рядом с ним на земле леску с наживлённым крючком, вернулся к удилищу и, широко размахнувшись, как обычно в те пацанские годы, через плечо закинул свою снасть в воду (это став взрослее, я научился посылать леску от себя). И тут же услышал дикий рёв, от которого у меня душа ушла в пятки.

Схватившись обеими руками за рот и упав на землю, орал Ринат. А из-под его ладоней к моему удилищу тянулась леска. Это могло означать лишь одно: я вогнал своему брату в лицо крючок. Случалось, что я цеплял себя сам за рубашку сзади, за штаны, как-то даже палец порвал крючком. Но чтобы так, живого человека... Да ещё своего брата, за которого мне сейчас дома так всыпят, что я надолго забуду про рыбалку!

Но сейчас главное не это. Может, не всё ещё так страшно?

Я подбежал к брату, упал перед ним на колени и попытался оторвать его грязные ладошки от лица.

— Покажи, куда зацепило... Да отпусти ты руки!

Но брат продолжал верещать как резанный и ещё сильнее прижимал руки. В конце концов рёв его перешёл во всхлипывания, и он убрал от лица одну ладошку, потом вторую. И меня всего передёрнуло.

Крючок впился в верхнюю губу. Он вошёл туда почти весь, оставив снаружи лишь миллиметра два цевья с ушком, к которому и была привязана свисающая леска. Крови в месте прокола выступило всего лишь пара капелек.

— Ничего страшного, — успокоительно забормотал я испуганно заглядывающему мне в глаза братишке. — Тебе больно?

— Шють-шють, — прошепелявил Ринат, стараясь не двигать верхней губой.

— Ну и нормально. Щас придём в больничку, тебе его быстренько вытащат, и всё!

— Боно буйт! — испуганно забубнил Ринат, трясая свисающей с губы леской.

При этом он выглядел так уморительно, что я не выдержал и хихикнул.

— Такую большую рыбу я ещё не ловил!

Брат сморгнул слезинки с глаз и тоже заулыбался. Так, жизнь вроде налаживается. Крючок я, конечно, сам не вытащу, да Ринат меня к себе и не подпустит. Значит, надо срочно топтать в наш фельдшерский пункт, к тёте Любе. Она всё делает как надо.

Но не тащить же брата за собой на крючке? А у меня ни ножика нет, ни спичек, чтобы отрезать или пережечь леску.

Так, а зубы на что? И я, аккуратно перехватив леску у братишки под самым подбородком, чтобы не потревожить сидящий в его губе крючок,

перегрыз её зубами. Так что теперь у Рината с губы свисало всего сантиметров десять лески.

Подобрав бидончик и забыв на берегу червей и бутерброды, мы поспешили с братом в деревню. К счастью, на нас никто особенно внимания и не обратил—ну, идут два брата с рыбалки. Да и улицы были почти пустынные в это время.

Фельдшерца оказалась на месте (не помню, как её звали, но пусть будет тётя Люба). В амбулатории было пусто, прохладно и пахло йодом. Тётя Люба охнула и всплеснула руками, увидев, кого и с чем я привёл.

— Вот паразиты! — запрочитала она, рассматривая Ринатову губу. — А если бы в глаз? Мамка-то уже знает?

— Она на работе, — сказал я. — Мы ей потом скажем. А вы как крючок вытаскивать будете?

Ринат при слове «вытаскивать» начал поскуливать и потихоньку попятился к выходу из амбулатории.

— Ты куда? — укоризненно сказала тётя Люба. — Хочешь с крючком остаться? А как кушать будешь? А целоваться, когда подрастёшь?

— Не хошу, — помотал головой брательник.

И непонятно было, чего он не хочет: жить с крючком или целоваться, когда вырастет? Наверное, и то, и это. И потому он покорно пошёл с фельдшерцей за белую ширму.

Мне тётя Люба велела подождать за дверью. И я нетерпеливо переминался с ноги на ногу у входа в амбулаторию и прислушивался к негромким приглушённым командам тёти Любы, доносящимся из-за неплотно прикрытой двери, и тревожному дисканту моего брательника. Потом на какое-то время там стало тихо. Вдруг Ринат очень громко ойкнул. А спустя пять минут его, с заплаканными глазами и залепленной пластырем верхней губой, но при этом уже улыбающегося, за руку вывела на улицу сама фельдшерца.

— На тебе твой крючок, рыболов несчастный! — сказала она и протянула мне пахнущую спиртом разжатую ладонь. А на ней отдельно лежали чем-то откушенное ушко с леской и сам немного выпачканный в крови крючок. — В другой раз внимательнее будь, ладно?

— Ладно! — часто закивал я головой. — И это... Спасибо вам большое, тётя Люба!

— Идите уж, рыбачки! — засмеялась фельдшерца, и мы побежали домой.

Конечно, родители, увидев заклеенную губу моего брательника, тут же вывели, что произошло. Наказывать они меня, не считая словесного выговора, не стали. Но наложили строжайшее табу на наши совместные походы на рыбалку. По крайней мере, года на три.

Однако у Рината тот случай напрочь отбил всякую охоту к рыбалке. Так что в семье у нас главным добытчиком рыбы долго оставался только я...

За стерлядью

1.

...Целый день я вчера мастерил себе два закида на стерлядь, каждый длиной по полста метров. И это ещё не особенно длинная снасть. У нас деревне взрослые мужики умело забрасывают закида и по семьдесят, и по восемьдесят метров!

Задача такой снасти — доставить крючки с насаженными на них червяками до «ходовой» Иртыша, то есть до самой стремнины реки, где наибольшие течение и глубина. Туда, где и любит обитать стерлядь, а то и осётр. Да и мелюзги всякой, которая любит безнаказанно обгладывать наживку, там нет.

Стерлядь — самая странная рыба, какая есть в Иртыше (и не только там, конечно, но сейчас речь идёт об Иртыше). Остроносая, с плоским ртом в низу треугольной головы, обрамлённым жгутиками коротеньких усов, с веретенообразным и жесткокожным ребристым телом, огранённым несколькими рядами костистых шипов и наростов, с акульным хвостом, она для непривычного глаза выглядит отталкивающе.

Но для настоящего рыбака эта самая древняя страховидная рыба и самая желанная. Её у нас ещё называют красновиной. Мясо у красновины вообще-то жёлто-розовое и совершенно бескостное, держащееся на вкусно похрустывающих на зубах хрящиках.

Горячая и ароматная уха из стерляди, с плавающими на поверхности юшки янтарными кружочками жира, бесподобна, а разваренное мясо очень нежное и буквально тает во рту. Только что выловленную стерлядь можно есть и прямо на берегу. Её распластывают, присаливают, дают постоять минут десять-пятнадцать и затем впиваются в сочную мясистую плоть зубами, стараясь при этом не поранить губы и щёки не срезанными с кожи шипами.

Раньше стерляди на Иртыше, говорят, было завались. Она ловилась даже на простые удочки. Но когда аппетиты и рыболовецкие возможности живущих на реке людей, особенно с появлением моторных лодок и наплавных сетей, стали расти, стерляди стало куда меньше, и кучковалась она теперь как можно дальше от берега.

В шестидесятые годы, о которых идёт речь, красновина на закида (именно закида, а не закидушки) ещё шла. Главное, надо было уметь как можно дальше закинуть эту снасть от берега.

Мне тринадцать, и я уже умею забрасывать закид — длинную леску со свинцовым грузом на конце и привязанными повыше от него, на равном расстоянии друг от друга, четырьмя-пятью крючками на длинных поводках.

Сначала это была двадцатиметровая, потом тридцатиметровая закидушка. Но до стерлядей они, похоже, так и не доставали. Я ловил на закидушку

крупных ельцов, окуней, случалось—и подъязков. Однако стерлядки мне так и не попалось ни одной, даже самого маленького «карандаша», как называли у нас мелочь красновины.

2.

Но вот я выпросил у матери денег с полочки на леску, купил её аж стометровую бухту и целый день просидел на полу: аккуратно размотал эту бухту, разделил пополам, перемотал уже на две деревянные плашки с V-образными выпилами на концах, оснастил грузилами, поводками с крючками и поперечными палочками-хватами в метре высоты от грузил, чтобы удобно было, размотав утяжелённый грузилом конец лески над головой, послать её в реку, туда, где по дну ползают стерляди, нащупывающие своими усиками всякую живность и хватающие её своими плоскими ртами, оснащёнными не зубами, а костяными тёрками.

Черви у меня уже были—накопал накануне за огородами, на влажной луговине, целую банку. Стерлядь лучше всего, конечно, ловится на бормыша—так у нас называют белых ракообразных личинок бабочки-однодневки, живущих в глинистых норках под водой. Но тельца этих бормышей очень нежные и при ударе крючков о воду в процессе закидывания донки просто слетают с них.

А вот на перетяг бормыши годятся как нельзя лучше, так как эта снасть, можно сказать, стационарная, однажды установленная, она «работает» всё лето. И ведь кто-то же додумался! Берётся бухта проволоки с пресс-подборщика, выжигается в костре, чтобы была мягче, от неё, уже выжженной, отмеряется метров сто—сто пятьдесят, на берегу вбивается кол, к которому привязывается один конец проволоки, с оставшимся мотком будущий браконьер (а эта снасть была признана браконьерской, хотя и куда более щадящей, чем перемёт, от берега до берега, с острыми самодельными крючьями) садится в лодку с напарником, и они быстро плывут наискосок по отношению к течению, одновременно разматывая проволоку.

Когда почти вся проволока размотана и натянута, к концу её привязывают тяжёлый груз, обычно пару-тройку башмаков от гусеницы трактора, и сбрасывают в воду. Пока напарники возвращаются обратно, готовят к навязке на перетяг с пару десятков поводков с крючками, тяжёлый груз в это время уже просаживается в илистое дно реки и перетяг, таким образом, оказывается закреплён намертво.

Остаётся, сидя на корме лодке и подтягиваясь руками за проволоку, навязать поводки с уже наживлёнными на крючки белёсыми бормышами через каждые несколько метров, осторожно опустить натянутую течением и гудящую, как гитарная струна, проволоку в воду и плыть на берег, ждатель—или ловить на удочки и закидушки мелкую

рыбку, или ехать либо идти домой заниматься своими делами.

Перетяги, как правило, наживляются на ночь и проверяются рано утром. Ну и днём снасть можно зарядить пару-тройку раз, хотя надо при этом опасаться рыбнадзора: они нередко наезжают на своих катерах из соседнего, всего в пяти километрах, райцентра Иртышск или из своего—Железинки, правда, подальше, по реке все тридцать километров.

Это рыбной ловлей назвать, в общем-то, нельзя—ты не видишь и не чувствуешь, как клюёт и садится на крючок стерлядь. Попавшись, она обычно ведёт себя вполне спокойно и с крючка, как правило, не срывается. Так что лишь остаётся сесть в лодку и, подтягиваясь по проволоке, снимать улов—если он, конечно, есть. Но обычно есть. За ночь на перетяг может «сесть» от одной-двух до десятка стерлядок, а то и осетров (они тогда ещё тоже водились в Иртыше).

За день можно поймать, таким образом, килограммов восемь-десять ценной рыбы и, оставив что-то себе, ещё и торгануть. А наплавной сетью так вообще можно вытянуть из реки за несколько тонн уже десятки килограммов красновины!

Но у меня не было ни сетки, ни перетяга—для его установки обязательно нужна лодка, не моторная, а обычная вёсельная. Лодки тоже не было. Так что я тогда, даже если бы и захотел побраконьерничать, не смог бы. Нечем было!

И я честно решил сам наловить на мамкин день рождения стерлядок. Я уже и так довольно значительный добытчик в нашей семье—заразившись от отца рыбалкой, я часами мог торчать всё лето на пойменных озёрах или на Иртыше, вылавливая шук на жерлицы, таская на самодельные удочки с ивовыми удилищами окушков и чебачков. Но стерлядь ещё не ловил. И вот настал мой час, вернее, её, стерляди!

3.

Вооружённый двумя пятидесятиметровыми закидами и донной удочкой (чтобы между делом ловить ещё и всякую рыбную мелочь вроде ельцов, сорог, пескарей и окуней), я ранним-ранним июльским утром, когда ещё и солнце не выкатилось из-за ивовой рощи на восточной стороне Иртыша, где в тумане плавала верхушка Иртышского элеватора, отправился, позёывая, в сторону Коровьего взвоза.

Миновав ещё спящее село с лениво побрёхивающими во дворах собаками, но уже задорно орущими петухами, я спустился мимо длинной полосы огородов по полого снижающейся, гладко утоптанной тропинке под берег Иртыша.

Там, за Коровым спуском (сюда пастухи водили поить совхозных коров, выпасаемых неподалёку в степи), на берегу уже маячили несколько фигурок рыбаков. Одним из них оказался отец моей одноклассницы дядя Коля Анисин. Он приехал на своём «газончике», который оставил перед

Коровым спуском, и сейчас сидел на коряге и покуривал, отгоняя табачный дым от загорелого лица.

Дядя Коля тоже был заядлый рыбак, но никогда не видел его с удочкой. Он ловил только стерлядей. Вот и сейчас справа и слева от него виднелись сразу четыре или пять поставленных закидов с глиняными «кивками», прикреплёнными к провисшей над водой леске, тянущейся из воды и перекинутой через воткнутые в песчано-илистый берег рогатины. И дядя Коля внимательно за ними наблюдал, переводя взгляд с одного на другой. Но «кивки» висели неподвижно.

Дальше, на Белых камнях, торчали две маленькие фигурки кого-то из наших пацанов, но те были с донными удочками — было видно, как они время от времени суматошливо взмахивают над головой удилищами, выдёргивая серебристых чебачков.

Я решил далеко от дяди Коли не уходить — это место заведомо было стерляжье, здесь, на береговой ровной полосе протяжённостью метров в двести под крутым яром, всегда ставились закида. А дальше берег был усыпан обломками известняка, гальки, и закида разматывать было неудобно — леска обязательно за что-нибудь цеплялась.

Проходя мимо дяди Коли, я учтиво поздоровался с ним. И остолбенел: у ног дяди Коли, в воде, на проволочном кукане, конец которого был прикручен к воткнутой в землю палке, лениво шевелили хвостами и плавниками тесно прижавшиеся друг к другу своими ошипованными боками остроносые крупные, под килограмм и более, стерлядки и один плотный, с более тупым носом, карыш — осетрёнок килограмма на два-три. — Так вы с ночи здесь сидите, дядя Коля? — севшим от острой зависти голосом спросил я.

Дядя Коля хмыкнул:

— Да ну, буду я ещё тут ночь торчать! Вот пару часов назад приехал и самый клёв застал...

Пару часов назад... Это что, мне надо было бы в три часа вставать?! Да ни за что! Мама в пять-то меня едва растолкала.

4.

Это она на днях обмолвилась, что соскучилась по стерляжьей ухе и хотела бы прикупить рыбки у нашего известного деревенского браконьера Гришки Качургина (тот ловил красновину наплавной сетью на моторной лодке и продавал рыбу), но я гордо заявил, что сам наловлю.

И вот я на берегу, стою и капаю слюной над чужим уловом. Надо было и мне не два, а три закида смастерить! Глядишь, тоже бы наловил такую же ораву красновины. А карыш-то, карыш каков! Чисто водный динозавр!

Взяв, наконец, себя в руки, я быстро прошагал мимо дяди-Колиных снастей, но далеко отходить не стал, так, метров на двадцать, и стал было

выкладывать из своего трёхлитрового бидончика свои закида (для стерлядей у меня был кукан, только из шпагата). Но дядя Коля заворчал, что я могу перехлестнуть его крайний закид, и я нехотя отодвинулся ещё на десяток метров.

Размотал первый закид, воткнул планку в землю, для верности вдавив её ещё и каблуком башмака, насадил на специальные стерляжьих крючки с длинным цевьём (у меня их было по три на каждом закиде) червей, взялся за поперечный захват и, медленно, с небольшим ускорением, раскрутив по вертикальной орбите грузило, на четвёртом или пятом обороте послал его над водой и немного вверх в намеченном направлении.

И сам удивился, как, стремительно унося за собой распрямляющиеся витки лески, грузило точно булькнуло в воду с нужным отклонением поперёк течения. И пока тяжёлый свинец не лёг на дно, натягивающуюся леску несло и носило. Наконец леска натянулась до конца и легла окончательно, почти поперёк реки и чуть наискосок.

Я хлопотливо воткнул впереди планки одну из принесённых с собой рогатин, приподнял и навесил на её развилку, потом зажал натянутую и чуть дребезжащую от хода течения леску между большим и указательным пальцем, немного подтянул к себе, послушал. Нет, пока рывков на том, далёком конце не было. Значит, мелочи, обгладывающей крючки, там, на глубине пяти-шести метров, не было. Ну-с, будем ждать, когда на извивающиеся концы червей на моих крючках наткнётся стерлядка.

Я разгрёб на берегу песок, добрался до влажной и тугой глины, выкопал кусок, хорошенько размял его для пластичности и налепил на протянувшуюся над водой леску закида. Она сразу провисла под весом кивка. Теперь, если начнёт клевать, я сразу увижу — кивок будет дёргаться, подниматься или опускаться. Конечно, я тогда уже знал, что есть специальные звоночки для этого дела. Но у нас в сельском магазине их не было. Так что все рыбаки у нас обычно использовали этот дедовский способ.

Дядя Коля, время от времени поглядывающий в мою сторону, поймал мой взгляд и с улыбкой одобрительно оттопырил большой палец. Дескать, всё правильно делаешь. А то! Не на Иртыше ли я вырос?!

5.

Второй закид я размотал метрах в десяти от первого. Но с ним мне пришлось помучиться. Сначала я рано запустил раскрученное грузило, и оно упало в воду, утащив за собой даже меньше половины лески. Второй раз я закинул всё, но со свистом ушедшая за грузилом леска легла не навстречу течению, а за ним. И когда грузило улеглось на дно, то его снесло совсем к берегу.

Пришлось снова забрасывать, предварительно насадив новых червей—насаженные ранее были сбиты от ударов о воду.

Пока я провозился со своим закидами, уже и белое колесо солнца выкатилось на востоке, утренний туман над рекой рассеялся, стало заметно припекало. Было уже часов семь утра. Помыв руки в тёплой воде (сразу захотелось искупаться), я решил устроиться с удочкой между своими двумя закидами, чтобы потаскать чебачков.

В это время всегда хорошо клюёт—вон как снуют у берега стайки мальков, а на гладкой поверхности воды—пока ещё не было ни ветерка—то и дело с бульканьем расплывались круги. Это шустренькие ельчики выхватывали падающих в воду мушек, прочих насекомых и всё, что было похоже на еду. Иногда из воды вылетали и с плеском падали обратно небольшие щурята, окуни, гоняющие мальков. Жизнь в Иртыше кипела! Интересно, а что творится на его дне, особенно около крючков моих закидов?

Но пока глиняные кивки висели неподвижно. А мой сосед, дядя Коля, начал сматывать свои закида. Он работал на автобазе в райцентре, это ему каждый день надо было ездить туда за двадцать пять километров, чтобы получить путёвку и отправиться в очередной рейс. Да и ему уже можно было отправляться домой с чистой совестью—вон сколько у него на кукуане красновины!

Вздохнув, я размотал свою удочку-донку, сбегал за торчащей неподалёку от меня из береговой кромки оставленной кем-то рогоулиной, выдернул и принёс к своему месту дислокации, воткнул поближе к воде. Наживил крючок, забросил удочку и, закрепив удилище в рогатине, стал ждать поклёвки. Она не заставила себя долго ждать.

Сначала пошли пескари—один, второй, третий! Их сменили ельцы—некрупные, сантиметров на восемь-десять, но тугие, с мясистой спинкой. Они энергично ворочались в сжатой ладони, пытались вырваться, пока я их снимал с крючка, и ладонь ощущала трепет это тугий рыбной плоти, страстно желающей вернуться обратно в воду. Но ельцам, как и ранее пойманным пескарям, приходилось плюхаться в теснину наполненной водой бидончика, который глухо позвякивал от ударов мечущихся рыб.

6.

Охваченный азартом утреннего клёва всякой пузатой и не очень мелочью, едва успевая поправлять сбившегося или меняя обглоданного червя, я на какое-то время забыл о своих закидах. Но вот, закинув в очередной раз удочку и закрепив её на рогоулке, я бросил взгляд на закид слева, и у меня перехватило дыхание.

Натянутая леска ослабла настолько, что глиняный кивок лежал в воде. Так могло быть лишь

в том случае, если там, далеко от меня и на большой глубине, кто-то хватанул червя на крючке и сдвинул с места тяжёлый свинцовый груз. Это могла сделать лишь крупная рыба.

Дрожащей рукой я ухватился за лежащую в воде леску, потянул её на себя и ощутил чувствительный толчок, потом другой. «Есть!»—возликовал я и, дёрнув на себя сильнее обычного—ну как обычно подсекал клевавших на закидушках окуней или подъязков, стал обеими руками, попеременно перехватывая ими леску, вытягивать закид из глубины.

Это была долгая история—всё же полста метров!—и я всё боялся, что тот, кто сидит там, на крючке, а может, и не один он, возьмёт да сорвётся. Но нет, тяжесть была стабильной, и леску натужно стало водить то влево, то вправо. У меня пересохло в горле, под коленками противно затряслось что-то, гулко билось сердце.

И вот оно, что я страстно хотел увидеть на том конце, всплыло и, вспарывая задранной кверху носом воду, неумолимо приближалось ко мне. Стерлядка!!! И не маленькая—даже отсюда я видел—сантиметров сорок, а то и поболее!

И вот, наконец, я выволок свою первую в жизни самостоятельно выловленную красновину на берег и на всякий случай протащил её подальше от воды к яру, и она покорно волокла за леской, оставляя на песке две параллельные бороздки от костяных шипов на брюшке. А после этого я с дикими криками стал скакать вокруг своего драгоценного улова, исполняя какой-то языческий танец. Хорошо, что дядя Коля уже уехал, а то бы он наверняка посмеялся надо мной.

И лишь потешив свою душу, распираемую радостью и гордостью, я присел на корточки над лениво ворочающей своим облепленным песком акульным хвостом стерлядкой, крепко зажал в левой руке её носатую колючую голову с тусклыми маленькими глазками, а правой стал вытаскивать крючок, застрявший у неё глубоко во рту.

7.

Но провозился я с этой процедурой недолго, так как крючки на закидах у меня были навязаны с длинным цевьём, специально для стерляди, да и сама рыба, сделав рот дудочкой, помогла мне, и скоро я насадил её, тяжёленькую, за килограмм, пожалуй, на кукуан, свободный конец кукуана привязал к рогатулине и опустил стерлядку в воду.

Полюбовавшись, как темноспинная рыба, то и дело высывавая острый нос и колючий хребет из воды, плавает у берега, я наконец посмотрел в сторону второго закида. И от неожиданности заорал на весь Иртыш:

—А-а-а-а, бли-и-и-и-ин-н-н-н!

А может, и не «блин», точно не помню сейчас. Так ещё бы: леска на втором закиде то натягивалась

до упора, пригибая рогулю к воде, то вновь ослабевала и опускалась. Я со всех ног кинулся к этой своей снасти и торопливо стал выбирать леску. Шла она, не в пример первому случаю, очень тяжело. И я уже размечтался, что мне на крючок сел не иначе как карыш.

Но когда я вытянул уже больше половины лески, на поверхность всплыли сразу две стерлядки, правда, поменьше первой, и стали дёргаться на поводках в разные стороны. Две! Это было что-то! Ещё и часа не прошло, как я пришёл на рыбалку с закидами, а мне попались уже три стерлядки. Этак до обеда я их натаascaю чёрт знает сколько! Может, там, в глубинах Иртыша, меня дожидается целая стая стерлядей...

Суетливо снимая с крючков красновины — надо было поторопиться, наживить и забросить закида снова, раз пошёл такой клёв, я только сейчас обратил внимание на рокот лодочного мотора. Поднял голову и оторопел. Прямо к тому месту, где сейчас находился я, направлялась моторная лодка. Ещё минута, и она уткнулась носом в берег.

В лодке сидели два взрослых мужика, один в фуражке с блестящим лакированным козырьком и с кокардой, с биноклем на груди. На борту потёртой дюралевой лодки красовалась белая надпись: «Инспекция рыбнадзора». Оба-на! Только их здесь и не хватало в столь радостный для меня момент.

8.

Рыжеволосый и рыжеусый мужик в кокарде прыгнул с носа лодки на берег, подошёл ко мне. Второй, чернявый и в обычной кепке, остался сидеть на корме, покуривая и поплёвывая в воду.

— С уловом! — ехидно улыбаясь, поздравил меня обладатель форменной фуражки. — Ну и куда складываешь свою добычу, рыбачок?

Я промолчал, вытирая испачканные руки о штаны. Инспектор пристально огляделся по сторонам и шагнул к рогулине, в воде у которой бултыхалась первая моя стерлядка. Он присел, отвязал кукан, приподнял стерлядку и пробормотал:

— Ну ничё так! Тащи сюда и тех! — приказал мне инспектор.

— Вам надо, вы и тащите, — сумрачно сказал я.

Откуда он только приплыл так по-партизански? Из Иртышска, наверное, они сюда часто наезжают, чтобы подкараулить и выловить наших деревенских браконьеров (да их у нас и было три-четыре человека, торгующих рыбой), рыбакащих с наплавной сетью или на перетяг. А сегодня никто из них с утра на промысел не вышел, как чувствовали, и даже дядя Коля со своими закидами и ведром стерляди смылся вовремя. Зато я, дурачок, попался!

Этот гад явно собрался лишить меня первого моего стерляжьего улова. Эх, если бы я увидел его раньше, то сгреб бы всех стерлядок в охапку и задал стрекача в сторону деревни, лови меня

потом! А тут что уж, попался. Я знал, что стерлядей без особого разрешения ловить нельзя. А откуда ему у меня быть, этому разрешению?

— Ты понимаешь, что я должен тебя, вернее, твоих родителей оштрафовать за незаконный вылов осетровых пород рыб? — начал меня страшить инспектор. — И знаешь на сколько? Штанов у вас не хватит, чтобы рассчитаться, понял? Как твоя фамилия?

— Сидоров, — сказал я.

— Ага, Сидоров, — согласился инспектор. — А Иванов и Петров уже ушли? Или это вон они там поодаль рыбачат? И тоже на закида? Ладно, некогда мне тут с тобой. Обойдёмся на первый раз без протокола, но больше мне не попадайся...

Инспектор подобрал моих стерлядок с песка и вместе с той, что на кукане, закинул в лодку. Они с костяным стуком ударились о дно лодки, похоронив мою мечту побаловать мать стерляжьей ухой на её день рождения.

Но этот изверг в фуражке ещё, оказывается, не закончил свою борьбу с попавшимся ему злым браконьером. Он поочерёдно подошёл к моим вытащенным на берег закидам и у каждого в нескольких местах перочинным ножом изрезал леску, а грузила с крючками закинул в воду.

— Вот так! — удовлетворённо сказал служивый. — А теперь поехали.

Он оттолкнул лодку от берега и запрыгнул на её нос, а его напарник завёл мотор и не спеша стал выруливать от берега. Я сквозь наворачнувшиеся на глаза злые слёзы высмотрел на берегу приличный кусок высохшей до состояния камня глины, швырнул его в сторону удаляющейся лодки и, подхватив свой бидончик и гремя им, со всех ног бросился бежать в сторону деревни.

Маты, полетевшие с лодки в мою сторону, стали свидетельством того, что я в кого-то из этих мужиков попал, и стали хоть малой компенсацией за причинённый мне на сегодняшней рыбалке материальный и моральный ущерб.

А ведь так всё хорошо начиналось!..

С внуком не до скуки!

Симметрия

Позвонил внук-первоклассник, поздравил с Новым годом. Разговорились про учёбу его, про дружбу с одноклассниками. Я, зная, что он продолжает таскать в школу конфеты таинственной Таисии, поинтересовался, что же его в ней так привлекает.

— Что ты имеешь в виду, дед? — спросил Игорёха.

— Ну, она хоть красивая?

— Красивая, — вздохнул внук.

— Как выглядит? Опиши мне её.

— Как я её тебе опишу? — не понял вначале Игорёха. — В тетрадке, что ли?

— Нет, на словах, — терпеливо пояснил я. — Ну вот какие у неё волосы?

— Коричневые, длинные, — подумав, ответил он.

— А глаза?

— Синие.

— Большие?

— Как сказать... Больше, чем у Даши.

— Ага, ничего так, — одобрительно сказал я (про Дашу смолчал — это у нас уже пройденный этап, ещё с подготовительной группы). — Шатенка. А ещё что тебе в ней нравится?

— Ну, она обнимает меня, когда я ей конфеты дарю, — стеснительно сказал Игорёха. — Спасибо говорит.

— Ишь ты, обнимает, — ворчу я. — А ты?

— А я потом убегаю, — сообщает мне Игорь.

— Ну, это нормально, — говорю я. А про себя думаю: вырастешь — уже не убежишь.

— Ну а так, в общем?.. Она высокая, маленькая, толстенная или худая?

— Она симметричная! — ошарашивает меня Игорёха.

Вот так да! Так ещё никто о женщинах не говорил. А ведь это очень ёмкое и точное определение. Симметричная — значит, правильная, значит, пропорциональная, всё у неё в норме то есть. Это же почти идеал!

Однако, хороший вкус моего внука.

— Ну, раз симметричная — продолжай с ней дружить, — выношу я свой вердикт.

По грибы

Грибы у нас пошли. Ну и мы пошли по грибы. С внуком. Он впереди чешет — кусты только потрескивают.

— Деда! — кричит. — Я гриб нашёл!

— Нет, Игорёша, — говорю. — Этот гриб плохой.

Конечно, поганка тут же получила сандалией.

— Стой! — кричу. — А вот этот не бей.

— Почему? — внук опустил ногу. — Он же тоже поганка. Такой же белый.

— Не, белый вон тот, под кустиком, — поясняю. — А этот груздь называется. Так что в корзинку его. И белый тоже возьмём.

— Деда, да какой он же он белый? — сорвав коренастый боровик, вертит его в руке наследник. — У него вон шляпка какая тёмная.

— Ну, белый — потому что... потому что благородный, — просвещаю я Игоря. — Как белогвардейцы в своё время. Их ещё звали вашими благородиями.

И тут же последовал следующий вопрос:

— Деда, а кто такие белые гвардейцы?

Это я зря такую тему поднял. Поэтомно отмываюсь:

— Да ну их! Тем более что мы с тобой, внучек, приходим из красных.

— Вот из таких, что ли? — кричит довольно внук, показывая на мухомор.

— Не, внучек, этому тоже поддай пенделя своей сандалией! Потому что это мухомор. Хотя — не надо! Раз он вырос, значит, для чего-то всё же нужен.

— О-о, какой важный! — радостно кричит Игорь уже с соседней полянки.

Так, чего он там ещё нашёл?

— Так это же обабок! — радуюсь я. — Хороший гриб!

А внук меня уже и не слышит, ломанулся в самую чащу леса и звонко кричит оттуда:

— Ой, деда, глянь, какая смешная толпа грибочков! Друг по дружке на пенёк лезут!

Так, добытчик наш, похоже, опята нашёл! Надо срочно ковылять к нему, пока не распинал всё. Точно: на старой замшелом пне тесно жмётся друг к дружке разудалая компания опят. Люблю я эти грибочки — сухие, чистенькие и всегда оптом растут.

— Во, молодец! — довольно бормочу я, вынимая из кармана перочинный нож. — Эти дружные ребята называются опята! Запомнил? Дай-ка я их аккуратненько ножичком срежу — и в корзинку.

Нет, не угнаться мне за этим неугомонным пацаном! Опять на весь лес раздаётся его ликующий голос:

— Деда, а этот брат? Фу, какой склизкий! У него что, насморк?

— Фу, внучек, подожди, я отдохну маленько... — отдуваюсь я, шлёпаясь пятой точкой прямо на траву у найденного Игорёшкой гриба. — О, это хороший гриб! Маслёнок называется, он и должен быть немного скользким. А вот у тебя, паря, вижу, насморк начинается, ходишь вон, сам на грибы из носа капашешь... Ба, а вот и сморчок! Вроде не его сезон, а вот торчит тут. И его в корзинку!

Где-то неподалёку строчит короткими очередями дятел, задумчиво кукует кукушка. Хорошо!

Игорь широко зевает:

— Деда, я что-то спать хочу. Пошли домой, а? Вон и корзина у нас уже полная, и в кепку ты уже напихал грибов.

Понятно — наглотался парень кислорода! У меня во всём теле тоже приятная истома.

— Вот я старый гриб! — хлопаю я себя по коленям и с кряхтением начинаю привставать с земли. — Так увлёкся этой тихой охотой, что совсем внука своего загонял. Ну, пошли скорее домой, хватит блуждать по лесу.

— Деда, как ты себя назвал? Что ли, ты тоже гриб?

Внук бежит по тропинке уже впереди меня, причём задом наперёд.

— Ох, внучек, гриб! — сокрушённо подтверждаю я. — А ведь был орёл! Ну, полетели! А то бабуля заждалась нас...

И мы «полетели» на дачу, где нас уже ждала бабуля: неугомонный Игорь, сверкая отполированными подошвами сандалий, — галопом во все

лопатки, я — лёгкой иноходью, перемежаемой дряблой рысью...

Эх, а ведь были и мы рысаками!

Внук за городом

Внук семилетний позвонил (он живёт сейчас за городом, у сватов). Радостный такой.

— У нас урожай уже большой! — кричит в трубку. — Да ну! — удивляюсь я. — И что же там у тебя уродилось?

— Клубника, — докладывает Игорёха. — Уже двадцать четыре штуки!

— Скоко-скоко? — переспрашиваю. — А ты не ошибся? Может, меньше?

— Не-а, — я чувствую, как он мотает головой вместе с приложенным к уху мобильником. — Я каждый час пересчитываю! Хочешь, деда, прямо сейчас посчитаю ещё раз?

— Ну, считай, — разрешаю я, время у меня есть.

— Раз, два... пять... двенадцать... двадцать... О-о-о, уже двадцать семь!!!

От его радостного вопля у меня засвербело в ухе. — Да, это уже много, — соглашаюсь. — Уже можно есть.

— Нет, деда. Они ещё не все красные. И не буду я их трогать, пока... пока сто штук ягод не будет, вот!

— А зачем тебе сто?

— Да не мне! А чтобы на всех хватило. Ладно, деда, пойду-ка огурцы посчитаю...

Правильный у меня внук растёт. Во-первых, дачником уже точно будет. Во-вторых, справедливый и добрый. Так что не даст нам, старикам, с голоду помереть, если что.

Игорёха и Сосиска

Игорёха нашёл на грядке с петрушкой большую такую серовато-зелёную толстую гусеницу. Он пришёл в восторг от её вальяжного вида, пришёл домой, посадил в стеклянную банку и сказал, что будет её растить, пока из неё не вылупится бабочка (парень знает, как получаются бабочки). Носит Сосиску (так он её назвал) свежие листочки петрушки, и та их с аппетитом уплетает.

Домашние пришли в ужас, когда увидели, как он свободно обращается с личинкой бабочки: спокойно берет её в руки, разговаривает с ней, моет банку после того, как Сосиска покакает. Бабушка с мамой хотели выкинуть гусеницу, но хитрый Игорёха тут же «пустил слезу»:

— Я вообще тут один (имея в виду — среди взрослых), и у меня никого нету: ни собачки, ни котёнка, ни попугайчика... Ладно, несите Сосиску обратно на грядку, но тогда купите мне собаку!

Сразу отстали от него («только не собака и не кошка, у ребёнка аллергия будет или глисты»), и Игорёха продолжает возиться с гусеницей. Он уверен: вот-вот она превратится в куколку, а там и

до бабочки недалеко. Большой, яркой, с нежными трепещущими крылышками...

Зубы для деда

Звонит внук.

— Деда, а у меня сегодня ещё один зуб зашатался!

— Да ты что? — деланно пугаюсь я. — Болит?

— Не-а! — радостно кричит внук. — Думаю, он у меня где-то в марле уже выпадет.

— Откуда ты знаешь?

— Да знаю, — с превосходством заявляет Игорь. — Уже же не в первый раз.

Ну да, Игорю как-никак уже восемь лет. И молочные зубы, отслужив своё, покидают его дёсны, чтобы дать место постоянным зубам.

И тут меня поджидает бомба.

— А знаешь, деда, я их все в коробочку складываю...

— Да ну?

— Ага. Уже семь штук. И знаешь, что я решил?

— Что?

— Ты же уже старенький (ну, это вопрос спорный!). И вот когда у тебя совсем не станет зубов, я тебе отдам свои. Носи, деда!

Я поперхнулся.

— Спасибо, внук, ты очень добрый!

— Ага! — радостно согласился Игорёха.

Люблю внука. Уже сейчас заботится обо мне. То ли ещё будет, когда вырастет!

Чётки

— О, что я нашёл!

Этот радостный вопль возвестил, что пока мы — дед, баба и мама с папой нашего драгоценного наследника — степенно беседовали, Игорёха опять нашёл для себя что-то интересное в моём кабинете. Оказалось, что в этот раз он вытащил из ящика стола чётки и сейчас с энтузиазмом вращал их на тонкой кисти своей руки, отчего косточки чётко негромко и сухо пощёлкивали.

— Бусы. Только они странные какие-то, не блестящие, — присмотревшись к находке, сказал Игорёшка. — Некрасивые. Нет, не возьму я их.

— И правильно, — с облегчением сказал я. — Понимаешь, Игорёша, я бы их тебе пока всё равно не отдал, хоть и очень тебя люблю и мне для тебя ничего не жалко.

— А почему? — обиженно надул губы внук.

— Видишь ли, эти чётки, которые ты принял за бусы, попали ко мне от моей мамы, твоей прабабушки. А ей — от её мамы, моей бабушки и твоей, получается, уже прапрабабушки. А не блестят они потому, что сделали их не из драгоценных камней или янтаря, а из обыкновенных финиковых косточек. Небогатые были мои предки, вот и смастерили чётки из подручного материала.

Игорёшка пропустил между пальцев несколько косточек чётки и сообщил:

— Точно! Я, когда кушал финики, из них такие косточки вылаживали! Здорово! А что такое чётки, дед Марат?

Наша беседа явно заинтересовала всех находящихся в комнате: баба Света, папа Влад и мама Оксана повернулись к нам и стали внимательно слушать.

— Как бы тебе объяснить, Игорёша... Ты знаешь, что такое молитва, кто такой Бог?

— Нет, мы ему ещё не рассказывали про такие вещи, — поторопилась вмешаться мама Оксана. — Ещё не время.

— А расскажите сейчас! — загорелись глаза у внука. — О, мой юный друг, это длинная история, — вздохнул я. — Но всё же давай я тебе попробую рассказать. Тысячи лет назад, когда всем жилось ну очень тяжело — не было ни электричества, ни телевизоров и компьютеров, машин и самолётов, школ и больниц и даже нормальной еды и одежды, люди всего боялись. Они поверили, что на небесах есть такое всемогущее создание, которое может заступиться за них, дать им необходимое, если его хорошенько попросить. Но и может сильно наказать, если плохо себя вести. Это всемогущее создание назвали Богом...

— Ух ты! — восхитился Игорёшка. — Я тоже хочу его кое о чём попросить...

— Подожди, ты слушай дальше. И вот самые умные из этих людей стали придумывать молитвы — просьбы, в которых они просили Бога о важных для себя и своих родных и близких вещах. А чётки эти — от слова «считать», — придумали для того, чтобы по бусинкам, камушкам или косточкам — у кого из чего были эти чётки — откладывать, как на счётах, число прочитанных молитв, обращённых к Богу. — Деда, а ты что, тоже молишься, если держишь чётки у себя в столе? И о чём ты просишь Бога? — с любопытством спросил внук.

Я смеялся. Что мне ответить внуку, если я в своё время был убеждённым атеистом?

— Видишь ли, Игорёша, — начал я осторожно. — В наше время люди больше верят в себя, в свои силы и возможности, чем в Бога. Понимаешь, за те долгие годы, что люди молились и молятся Богу и просили его о помощи, многие из них убедились, что помогает он далеко не всем и не всегда, поэтому и стали больше полагаться на себя. И ведь достигли очень многого, вплоть до того, что стали летать на другие планеты. Я вот тоже больше верю в себя. А чётки... знаешь, зачем они мне нужны? Не только как память о предках, но и как такой инструмент, который помогает мне сосредоточиться, когда я что-то важное обдумываю и перебираю пальцами косточки. А ещё это успокаивает нервную систему, так как в кончиках пальцев находится много нервных окончаний. Ну как, понял теперь, что ты за «бусы» нашёл у меня в столе и зачем они мне нужны?

— Ага! — довольно кивнул вихрастой головой внук. — Это, деда... Ты дай мне, пожалуйста, чётки на два... нет, на три дня. Ну дай, я верну!

— Ладно, возьми, если, конечно, с возвратом, — колебавшись, согласился я. — Но зачем они тебе-то?

Игорь обхватил мою шею и горячо зашептал мне у уха:

— Собачку себе у этого... у Бога буду просить!

Так, придётся собирать семейный совет и решать вопрос с собакой. Давно уже парень просит купить ему пушистого друга, а родители всё откладывают! Но придётся и разъяснить парню, что к чёткам этот подарок никакого отношения не имеет. Иначе ведь потом за его желаниями не утонишься!

Рассказ внука

Вчера звонит внук (напомним, Игорёха у нас первоклассник) и гордо сообщает, что он написал рассказ.

— Да ну, — не поверил я. — Какой ещё там рассказ? А ну-ка открой тетрадку и прочитай мне, что ты написал!

— Я уже сдал рассказ, — сообщает мне Игорёха. — Это не тетрадка, это один листок. И его уже повесили на стенку достижений!

— Та-а-ак... И что же, я так и не увижу теперь, какой рассказ написал мой внук? — расстроился я. — А я его тебе так расскажу, — обрадовал меня Игорь. — Я его наизусть запомнил.

— Да ты что! Значит, ты долго думал над ним, можно сказать, выстрадал его, — похвалил я начинающего писателя. — Ну, давай читай!

— «Лабораторные опыты с вирусами и бактериями проводит Игорь Владиславович», — почти без запинки зачитал мне внук свой опус.

Зато заикаться начал я.

— Как... как... какие опыты? А ну-ка ещё раз!

И внук повторил, слово в слово.

— А это... — прокашлялся я. — Почему именно такие слова ты написал?

— Ну, нам сказали писать о чём чаще всего думаем. — Ну да, — вспомнил я. — Ты же у нас биолог.

У парня дома, представьте только себе, два микроскопа (у меня в двенадцать лет появилась половинка бинокля, и пацаны выстраивались в очередь посмотреть в этот окуляр, и это было невероятное богатство, а тут — два микроскопа!). И Игорь таскает домой и разглядывает под многократным увеличением всяких жучков, гусениц, песок стал разглядывать, пыль. Потом стал смешивать всякие жидкости и тоже разглядывает их. Потом стал всем рассказывать, что вывел опасную для людей бактерию, но сам же её и уничтожил. А сейчас работает над добрым микробом, который бы лечил людей. В общем, готовый этот... как его... микробиолог.

Таким образом, вопросов по поводу, почему внук выбрал именно такую тему своего «рассказа»,

у меня не возникло. Ещё до школы, в пять-шесть лет, он, увлѣкшийся... динозаврами, насобирав коллекцию примерно в два десятка игрушек-копий видов этих доисторических чудовищ и спокойно, без запинки выговаривал все их названия, что мне удавалось не сразу.

Писать Игорь тогда ещё не умел, хотя буквы распознавал уже все. А сейчас что ж, он уже и читает по слогам, и, как видим, пишет. И я пока затрудняюсь предположить, что же из нашего парня со временем получится.

«Дилектолом нивелситета», где работают его дедушка (другой) и мама, он быть уже расхотел, палеонтологом тоже, и динозавры его грустно пылятся без хозяйского глаза уже который месяц. Сейчас вот ударился в микробиологию. Но—ведь и на писательство при этом уже сделана замашка. Рассказ он написал! И хоть и крупными печатными буквами, но без ошибок.

— Признайся—говору,—мама помогала?

— Немножко,—честно сказал внук—Когда писал слово «Лабораторные».

Ну, семилетнему школяру это простительно. У нас многие, уже закончившие учёбу кто где, продолжают говорить «лабалатория», «колидор» и «билютень», а то и пишут так же.

Так что—будущий писатель Игорь, точно! Вон даже подпись себе уже выбрал какую внушительную...

Школьные новости

Внук к этому дню уже получил в общей сложности пять пятёрок. И втюрился в девочку по имени Таисия. Он ей и рисунки посвящал, и конфеты все перетаскал из дома. А Таисия на него—ноль внимания. Мало того, на той неделе она его толкнула. Игорь, оскорблённый в самых своих лучших чувствах, в ответ толкнул её.

Не по-джентльменски, конечно. Но сейчас он пытается вернуть к себе расположение Таисии (хотя его вообще-то и не было), для чего ударил за другой девочкой по имени Зоинька. Вернее, обратил, наконец, внимание на неё, чего она давно и безуспешно добивалась.

Теперь Игорь носит конфеты ей и дарит их, выбирая момент, когда это видит Таисия. Зоинька на седьмом небе и выражает свои чувства нежным поглаживанием Игорька по спине. А вчера ударила портфелем по спине Савелия, который за что-то там дал щелбана Игорьку.

Даже ума не приложу, что будет, когда они повзрослеют. Ко второму классу...